

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-211-217

ЛОКУС ДОМА В РОМАНЕ Е. А. КАТИШОНОК «ЖИЛИ-БЫЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ»

© Жэнь Тяньи, Эльвира Нагуманова

THE LOCUS OF HOUSE IN THE NOVEL “THERE LIVED AN OLD MAN AND HIS WIFE” BY E. KATISHONOK

Ren Tianyi, Elvira Nagumanova

The article studies the artistic space of house in E. Katishonok's novel "There Lived an Old Man and His Wife" (2006) in the context of a typical family chronicle, which emphasizes the resonance between personalities (family members) and their social environment. The aim of the study is to reveal the representative features of house by means of a structural-semiotic description and by exposing the construction identities of the author's individualized model of the world. The article determines the specificity of the house locus in the novel and analyzes the immanent constructions that ensure the integrality and organisation of its inner space. We underline the relativity of the boundedness of the house, which, in fact, remains in dynamic movement, and represents the energetic interaction of the Ivanov family's self-space with the surrounding society. The house, first of all, turns into an Old Believers' model of the world, it correlates with their traditional way of life, family and lineage. The conducted research proves that the house locus is conceptualized by E. Katishonok as a special world with its own internal rules, committed to the transformation due to the impact of both internal causes and external forces, which leads to a spontaneous adaptation to the dominant societal perceptions.

Keywords: house space, locus, structure-semiotic description, macrocosm, E. Katishonok, family chronicle

В статье рассматривается художественное пространство дома в романе Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой» (2006) в контексте типической семейной хроники, где подчеркивается резонанс между личностями (членами семьи) и социальным окружением. Цель исследования заключается в раскрытии репрезентативных особенностей локуса дома путем структурно-семиотического описания и выявления особенностей конструирования индивидуализированной авторской модели мира в произведении. Определяется специфика локуса дома в романе и проводится анализ имманентных конструкций, обеспечивающих интегральность и организованность его внутреннего пространства. В статье подчеркивается относительность ограждения дома: по сути, он остается в динамическом движении, отмечено энергетическое взаимодействие самопространства семьи Ивановых с окружающим социумом. Дом воспринимается прежде всего в качестве модели мира старообрядцев, он соотносится с традиционным укладом жизни, семьей, родословной. В результате проведенного исследования доказывается, что локус дома осмысливается Е. А. Катишонок как особый мир со своими внутренними законами, подверженный изменениям в силу воздействия как внутренних причин, так и внешних сил, что приводит к спонтанной адаптации к доминирующим в обществе представлениям.

Ключевые слова: пространство дома, локус, структурно-семиотическое описание, модель мира, Е. А. Катишонок, семейная хроника

Для цитирования: Жэнь Тяньи, Нагуманова Э. Локус дома в романе Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 211–217. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-211-217

Понятие пространства выступает как координатор, определяя точку существования субъекта и его границы. Восприятие пространства относится к базовым средствам, через которые чело-

век осознает свое положение как в природной среде, так и в социуме. В первую очередь жизненным пространством служит дом, под которым подразумевается постройка, выступающая

местом обитания, обладающая защитными функциями. Объект «дом» концептуализируется как относительно замкнутый фрагмент, изолированный от окружающего мира, и как семиотическая реалья, несущая характер границы или так называемого «места собирания и расположения» [1, с. 111]. Иными словами, дом превращается в критерий самоидентификации на основе разграничения «своего» и «чужого», внутреннего уюта и внешнего хаоса.

В литературе дом как художественное пространство сохраняет свой экзистенциальный характер и участвует в создании «авторской картины мира». Ю. М. Лотман выделяет два основных понятия – топос и локус. Разграничение этих понятий основано на принципах открытости и замкнутости. Локус «закрытый, или герметичный, образ, топос – открытый, динамичный» [2, с. 141]. По В. Ю. Прокофьевой, топос является, с одной стороны, «значимым для художественного текста (или группы художественных текстов – направления, эпохи, национальной литературы в целом) местом разворачивания смыслов, которое может коррелироваться с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства»; с другой стороны, «общим местом, набором устойчивых речевых формул, а также общих проблем и сюжетов, характерных для национальных литератур» [3, с. 89]. Соответственно, для локуса «важны признаки относительной тождественности существующему в реальной действительности объекту и культурной значимости этого объекта для социума, на основе чего формируется когнитивная база и фиксируются стереотипные и индивидуальные представления о нем» [Там же, с. 90]. Исследователь заключает, что дом можно соотнести с одним из ключевых для русской литературы «локусных прототипов», которые объективируются в тексте через определенные номинации (изба, квартира, усадьба и т. п.) [Там же, с. 91].

Дом традиционно предстает как замкнутое пространство, обеспечивающее героев покоем, безопасностью и надежной физической защитой. Он прослеживается в произведениях как идеальное жилище, нравственное и ценностное ядро художественного мира, где преобладают семейная гармония, единение телесного и духовного начал. Пространство дома с подобной семантикой встречается в произведениях классической литературы: например, усадьба Лариных у А. С. Пушкина, дом старосветских помещиков у Н. В. Гоголя, идеальное имение Левина в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Локус дома заметное место занимает и в современной литературе [4]. Соответственно, мож-

но выделить две функции его реализации: миромоделирующую и психомоделирующую. В романе Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой» также можно рассмотреть эти функции.

Роман Е. А. Катишонок «Жили-были старик со старухой», выстроенный в форме семейной хроники, считается «наиболее сильным в художественном плане» среди других произведений автора [5, с. 69]. В произведении отражается влияние крупных исторических событий на судьбу простой староверской семьи – казачьего рода Ивановых, переехавших из Ростова-на-Дону в Остзейский край. Как отмечает Т. Н. Бреева, «Остзейский край в романе Е. Катишонок предстает как гибридное пространство, совмещающее в себе еврейский, немецкий и русский (через казачество) локусы, каждый из которых хронотопически конкретизирован: русский локус определяется хронотопами кладбища и Старого Города, еврейский локус – больницами и концлагерями, немецкий – хронотопом мастерской. При этом все хронотопы втягиваются в общее родовое пространство, приобретая способность менять свои значения и формировать родство вне времени» [6, с. 147].

Дом, где живут Ивановы, является центром повествования, хранителем традиций и верований персонажей, свидетелем меняющихся ценностей. Наряду с этим, смысловое толкование пространства дома не только содействует постижению романа на сюжетно-тематическом уровне, но и служит необходимым началом для определения авторской модели мира в целом.

В рамках данного исследования предполагается рассмотрение дома как локуса. Во-первых, репрезентация дома в изучаемом романе характеризуется замкнутостью от более широкого художественного пространства – «города». Это «функциональное поле», где разворачивается главная сюжетная линия и действуют персонажи. Во-вторых, в данном квазиавтобиографическом романе, написанном в жанре семейной хроники, писательница восстанавливает образ дома как по прототипическим свойствам русской литературы, так и посредством индивидуально-дифференцированных переосмыслений.

Опираясь на установленные ценности, Е. А. Катишонок в романе «Жили-были старик со старухой» образует особенную репрезентативную систему локуса дома. Построение данного локуса в произведении достигается не через изображение единичного сооружения, а через цикл архитектурных объектов. При этом конкретными репрезентациями являются «ветхая землянка на Калужской улице»,

«квартира на Больше-горной улице», «квартира на Большой Московской». Они чередуются и по сюжетной линии принимают на себя черты реального жилища главных персонажей (семьи Ивановых). Несмотря на то что они соотносятся с тремя отдельными пространственными референтами в художественном мире, при анализе мы объединяем их как интегральный комплекс исходя из содержательных компонентов. При этом именно «квартира на Большой Московской» охватывает наибольшие пространственные семы и стала значимой для раскрытия внутренней структуры романа (табл. 1).

Таблица 1

Репрезентация пространства дома в тексте

Конкретная репрезентация	Описание
«Ветхая землянка» на Калужской	Первый дом семьи Ивановых в Городе – маленький, но уютный.
Квартира на Больше-горной	Собственный дом с обильной и разнообразной трапезой, ароматом свежести и т. д.
Квартира на Большой Московской	На третьем этаже высоченного каменного дома; арендованная; рассчитанная на долгое проживание. «Старик приладил на дверь изящную латунную табличку <...> и понял, что он – дома». После Второй мировой войны государственная квартира, разделенная на две половины.

Жилище Ивановых отличается внешней отстраненностью, внутренней организованностью и фактически предстает аналогом макрокосма. Это «свое» пространство существования, которое было выделено из окружающего социального мира – «Города», «Остзейского края», «Республики». Здесь семейное единство утверждается через имманентные конструкции – общие привычки, нормы, концепции, теории. Ивановы честно и добросовестно соблюдают признанные ими справедливыми принципы, которые регулярно подчеркиваются в повествовании и являются постоянными атрибутами домашнего пространства и мировосприятия героев.

Обозначим наиболее значимые моменты в раскрытии локуса дома.

1. Календарные праздники и обычаи. В повседневности старика и старухи выделяется система праздников и постов. Вместо численника время исчисляется христианскими праздниками. Несмотря на принятый государством новый стиль, старик и старуха по-прежнему живут по

старому юлианскому стилю. Когда в обществе распространена тенденция отмечать Новый год и дни рождения, Ивановы отдают предпочтение Рождеству Христову и дню ангела членов семьи. Хотя григорианский календарь постепенно внедряется в семью, очевидно, что новый стиль так и не сможет полностью слиться с их собственным миром. В словах и восприятии старухи заметны явные различия:

«<...> да только где тот уютный старый стиль? В моленной да в церковном календаре, а каждодневное бытие давно уже текло по новому стилю, бестолковому и несуразному...» [7, с. 126];

«Это по-вашему, по-новому, первое мая» [Там же, с. 174].

К тому же, нарративная композиция целого произведения складывается по хронологической логике значимых религиозных праздников. Многократные торжества и встречи в доме Матрены позволяют читателям заглянуть в повседневный мир семейства, увидеть и конфликты между персонажами.

2. Языковая организация пространства дома. В доме Ивановых господствовала своеобразная привычка к вербальной номинации, имеющей видные различия с практикой окружающего социума. К примеру, в семье по ростовской традиции «пасха» или «пасочка» означает «кулич». Старуха Матрена настаивает на использовании «нужника» для называния «туалета» или других более экзотических форм. Нередко в доме используются старые названия городских улиц или знаковых мест, и члены семьи, особенно старик и старуха, негативно реагируют на приятие названий нового режима:

«<...> название улицы, которая всегда звалась Столбовой, а сейчас как-то иначе, ну да Бог с ней: Столбовая и есть Столбовая» [Там же, с. 83].

Помимо того, к приметам в языковом аспекте также относится манера разговорной речи. «Слава Богу», «Боже сохрани», «Мать Честная» – эти фразы со старорежимными чертами были приобретены даже маленькой правнучкой.

3. Манера одеваться и другие ритуалы. После войны семья Ивановых сохранила старую традицию – нарядно одеваться и ходить в храм по праздникам. Тетя Тоня научила Лельку изображать книксен, который учительница в школе считала «старорежимным приседанием». Особо выделяется так называемый «шапочный разбор» (по словам Тайки) – различие «своих» и «чужих» по головному убору. С одной стороны, для мужчин разбор проводится между картузом и

шляпой: *«муж (Федя) никогда картуза не носил, будто родился в шляпе»* [Там же, с. 119]. С другой стороны, женщины с платками маркированы старухой Матреной как «свои», а район Московского форштадта, где они встречаются чаще, — как «наш». Дамские шляпки придают центру города признак царствия «чужого» уклада жизни:

«<...> прошли к Православному Собору, из которого выходили такие же, как она, в платках, и редко — в шляпках» [Там же, с. 163];

«Сколько Максимыч жил здесь, у самого синего моря, он делил всех женщин по этому принципу: одни носили платки, другие — шляпки» [Там же, с. 118].

Матрена отказывается присоединяться к этому району, когда Тоня советует о переезде в центр: *«Нет. Там все в шляпках, а я в платке; на кой мне это надо?»* [Там же, с. 119]. После замужества Тоня поселилась в центре и с радостью восприняла оба образа жизни. Она подбирает украшения в зависимости от места, что доказывает ее идеальную идентичность с обеими жизненными моделями:

«Дочка переехала с форштадта в центр, словно платок на шляпку поменяла: поменяла, но не отбросила платок и не отказалась от него. Кесарю — кесарево, Богу — Богов» [Там же, с. 119].

4. Староверчество. Само верование обусловило оседлую и деятельную жизнь общины, домашнее убранство, религиозные и праздничные обряды, ежедневные и нравственные нормы. Матрена и Григорий находят свое место в Остзейском крае среди дружелюбных единоверцев, равно как невестка Пава получает обходительный прием от староверов в дальней уральской деревне. Икона была издавна закреплена в староверских жилищах в качестве воплощения божественного начала. По сравнению с этим, зеркало воспринимается как символ греха. И в романе мы видим, как подвергается изменению отношение к нему: от абсолютного запрета до частичного приятия. Из года в год Ивановы соблюдают недельные и годовые посты, совершают двуперстие и обращаются к моленной при колебании в душе. Они ценят венчание в моленной вместо регистрации в загсах. Заповедь «Не убий» препятствует практическому участию Григория в бою и является коренным источником его страха во время сражения. Обеспечивая исключительность, независимость и замкнутость квартиры Ивановых от постороннего мира, староверчество подтверждает способность семьи жить во имя идеалов добра и справедливости во времена страшных потрясений.

5. Концепция «мысль материальна и передается между родными». Упомянутое высказывание неоднократно повторяется: *«Передается мысль, передается», «Ведь мысль передается, хоть может принимать разные направления»*. Заботы и тревоги передаются близким в полной мере через невидимую нить родственных связей, исключая лживые приукрашивания собственных высказываний. Передача мысли не ограничена расстоянием и не затруднена другими объективными условиями, как в случае с телеграфом или почтой. Такой принцип применяется и в структуре повествования романа. Известие о гибели Коли, которое Ира не успела узнать из открытки сестры, прямо передается через сновидение. Мотя «непостижимым образом» воспринял разговор между Тоней и Федей о болезни отца и его возможной смерти. Он неожиданно приехал к ним, чтобы расспросить их и совместно решить рассказать или скрыть болезнь отца от семьи. Итак, неосознанная мыслительная связь присоединяется к структуре осязаемого дома.

6. Семейная традиция строгого отношения к сновидениям. Сны запоминаются, воспроизводятся в семейных беседах, затем детально исследуются, чтобы выявить их значение, и в итоге сохраняются в памяти. Иногда в процесс истолкования включают и сонник. С помощью снов раскрываются отдельные сюжетные перипетии, откровения о психологических переживаниях персонажей, обнаруживаются факты, которые не видны ни героям, ни читателю. Матрене постоянно снится, что умерший брат настаивает на передаче ей детских рубашек. Загадка не разъясняется до того момента, как Тоня показывает ей вышитую рубашку для новорожденной Лельки. В Крещенский сочельник случайно совпавшие сны старика и старухи были обсуждены и восприняты как предсказание болезни. Мучения, вызванные зимним сном о собаке Матрены, заставляют ее отправиться к дочери Тоне и попытаться отыскать разгадку в соннике. Собака, пытающаяся войти и согреться, также появилась в реальности и была признана предвестником очередных смертей.

«В тоске и смятении утром отправилась к Тоне. У дочери был сонник, а главное, нужно было поделиться» [Там же, с. 103].

Отметим, что мнение о сновидении выступает моментом самоидентификации внутри домашнего пространства. Жена Андрея всегда определяется как «другая» среди Ивановых, и она, в свою очередь, проводит границу между собой и

другими членами семейства на основе отношения к сновидениям:

«Невестка сон выслушала с любопытством, но поджала губы: нам сны не снятся. Мы романов не читаем. Кто был „нами“, она не объяснила, но авторитетной интонацией дала понять, что клан могучий» [Там же, с. 104].

Стоит заметить, что самостоятельное пространство дома Ивановых в художественном мире не является абсолютным. Изучаемый локус испытывает динамическую модификацию под воздействием «чужих сил», как внешних, так и внутренних. Герои принимают большие и мелкие изменения пассивным образом, и одновременно иногда активно уступают традициям. В результате, каковы бы ни были их субъективные желания, правила в домашнем пространстве уже направляются на постепенную адаптацию к новым, непонятным установкам социального мира — «нравам, модам, названиям, флагам, правительствам, деньгам».

Среди «чужих сил», во-первых, снаружи на дом Ивановых воздействует Масштабная национализация. После войны на Балтийское побережье пришла советская власть. Съёмная квартира, столярная мастерская и местный банк были национализированы, что положило конец карьере Григория как столяра, изменилась экономическая составляющая семьи. После Великой Отечественной войны квартира как казенная собственность уже была разделена на две части, в результате чего площадь вдвое уменьшилась, и туалет оказался в зоне соседней. Герои фактически вступили в некий полукolleктивный режим жизни, что ослабляет присущие дому позитивные качества, такие как уют, свобода и приватность. Во-вторых, имеется коллизия между представлениями, царящими внутри жилища, и современным обществом, местной культурой. Подобное явление показательно наблюдается в отношении к образованию и ремеслу, в положении Лельки в первом детском саду и в речевых различиях:

«По тому, как она коротко кивнула Максимычу, а больше по обращению „дяденька“ и скупым умылым движениям, понял: местная» [Там же, с. 118].

В-третьих, наиболее сильное и глубокое нарушение семейной жизни происходит из-за войн. Казачьи родственники из Ростова-на-Дону Григория не успели присоединиться к ним. В то время как Андрияша пропал на фронте, Коля был растерзан в концлагере. За временное сожительство старика с женщиной во время скитаний и за

свое истовое ожидание старуха надолго (или даже пожизненно) оказывает мужу «регулярную казнь». Психологическая и экономическая раздельность царил в квартире вплоть до рождения внебрачного ребенка. Войны приводят к расставаниям и гибели членов семьи, а также к психологическому отдалению между героями.

Под «чужими силами», действующими изнутри, подразумеваем несоответствия с типическим мировоззрением дома, возникающие среди домочадцев. Первым обнаруживается сосуществование с Андрияшиной женой Надеждой после смерти сына. Старик и старуха определяют ее «другой навсегда». Автор указывает, что *«не вошла она в семью... а — вышла: вышла замуж за их сына, вот и все»* [Там же, с. 46]. Они живут под одной крышей, но совместная жизнь не сложилась, между ними возникают постоянные разногласия. Матрена относится к Наде и ее детям с недоверием и бдительностью, а в сердце Нади упорно преобладают расчет и недовольство. На втором месте по списку расположились так называемые «нарушители заповедей (не убий; не прелюбодействуй)», к этому классу относятся прежде всего Симочка и Тайка. Танкист Семен — единственный в семье, который с легкостью нарушает заповедь «не убий». Он бросается в войну с горячностью и осознает себя победителем. Военные трофеи достались ему в виде почетного звания, медалей, а также освобожденной из концлагеря польской женщины Ванды. В связи с этим Симочка покидает Настю, которая с нетерпением ожидала его возвращения.

Стремясь выбраться из традиционного уклада и получить самостоятельную квартиру, представитель молодого поколения, Тайка, не соблюдает постов и заводит внебрачного ребенка. В своей загадочной жизни она демонстрирует недостаточное внимание к семье и дочери, интенсивные ссоры и близость к дяде Семену. Ее поведение в определенной степени сказывается на согласованной домашней установке Ивановых. Между тем особую сюжетную значимость имеет водворение внебрачной правнучки в семейной квартире. Совместное воспитание Лельки стало новым фокусом жизни Григория и Матрены, которые снова начали делиться повседневными мелочами и эмоциями — смехом, ревностью, грустью. Это событие положило конец абстрактному отчуждению стариков и завершилось переходом к новому витку отношений между ними.

В то время как оппозиционные силы приносят изменения в мир дома, жильцы постепенно перестают им противостоять. Конкретными проявлениями нового назовем встречу Старого Нового года между Рождеством и Крещением, ма-

ло-помалу появление зеркал в доме, примирение с возможным союзом Тайки и солдата. Следовательно, квартира Ивановых в качестве актуализации прототипических семантик пространства дома русской литературы пребывает в коммуникации с окружающим миром, с «другим», и в динамичном преобразовании – иногда бурном разрушении, временами замедленной и мелочной адаптации.

Итак, в результате проведенного анализа приходим к выводу, что дом Ивановых в романе может быть концептуализирован как разновидность художественного пространства – «локуса», выстраивание которого базируется на основе соединения прототипических представлений о доме в русской литературе и индивидуально-дифференцированном переосмыслении автором традиционного представления о нем. Репрезентативная система локуса дома составлена из второстепенных единиц (представительные помещения и несколько отдельных семейств в этом расширенном семейном пространстве), упорядочена благодаря имманентным свойствам и предстает макрокосмом семейства Ивановых. В качестве присущих ему свойств назовем как внешние привычки (сохранение традиций празднования христианских праздников, манера одеваться и держаться в обществе), так и метафизические принципы (сохранение староверского верования, серьезное отношение к снам и приметам). Названные особенности позволяют говорить о границе между «своим» и «другим» в художественном мире романа и становятся критерием личной идентификации персонажей.

Работа частично поддержана программой Китайского совета по стипендиям (код проекта: 202306270006).

Список источников

1. Разова Е. Л. Дом: место социального и культурного становления человека: дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2004. 179 с.
2. Сабиров Н. К. Время и пространство как специфические стороны жанра путевых произведений // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 1 (71). С. 138–143.
3. Прокофьева В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы //

Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.

4. Смирнова А. И. Локус дома в современной русской прозе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 8–14.

5. Солдаткина Я. В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике. М.: МПГУ, 2015. 160 с.

6. Бреева Т. Н., Хусаинова Г. Ш. Гетеротопия истории в романе Е. Катишонок «Жили-были старик со старухой» // Вестник ТГГПУ. 2017. № 4 (50). С. 143–148.

7. Катишонок Е. А. Жили-были старик со старухой. Красногорск: ВЕБКНИГА, 2011. 216 с.

References

1. Razova, E. L. (2004). *Dom: mesto sotsial'nogo i kul'turnogo stanovleniya cheloveka: dis. ... kand. filos. nauk* [House: A Place of Social and Cultural Formation of the Human Being: Ph.D. Thesis]. St. Petersburg, 179 p. (In Russian)
2. Sabirov, N. K. (2023). *Vremya i prostranstvo kak spetsificheskie storony zhanra putevykh proizvedenii* [Time and Space as Specific Aspects of the Travelogue Genre]. *Filologiya i kul'tura*, No. 1 (71), pp. 138–143. (In Russian)
3. Prokofieva, V. Yu. (2005). *Kategoriya prostranstva v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy* [Category of Space in Artistic Interpretations: Loci and Topoi]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 11, pp. 87–94. (In Russian)
4. Smirnova, A. I. (2015). *Lokus doma v sovremennoi russkoi proze* [Locus of Home in Contemporary Russian Prose]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. No. 3(19), pp. 8–14. (In Russian)
5. Soldatkina, Ya. V. (2015). *Sovremennaya slovesnost': aktual'nye tendentsii v russkoi literature i zhurnalistike* [Contemporary Literature: Current Trends in Russian Literature and Journalism]. 160 p. Moscow, Moscow State Pedagogical University. (In Russian)
6. Breeva, T. N., Khusainova, G. Sh. (2017). *Geterotopiya istorii v romane E. Katishonok "Zhili-byli starik so starukhoi"* [Heterotopie of History in E. Kaisishonok's Novel "There Lived an Old Man and His Wife"]. *Vestnik TGGPU*. No. 4(50), pp. 143–148. (In Russian)
7. Katishonok, E. A. (2011). *Zhili-byli starik so starukhoi* [There Lived an Old Man and His Wife]. 216 p. Krasnogorsk, "VEBKNIKA". (In Russian)

The article was submitted on 31.07.2024
Поступила в редакцию 31.07.2024

Жэнь Тяньи,
магистрант,
Уханьский университет,
стажер,
Казанский федеральный университет,
430070, Китай, Ухань,
Ло Юй, 129.
rtianyi_20@163.com

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ehlviran@yandex.ru

Ren Tianyi,
Master's student,
Wuhan University,
intern,
Kazan Federal University,
129 Luoyu Road,
Wuhan, 430070, China.
rtianyi_20@163.com

Nagumanova Elvira Firdavilevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ehlviran@yandex.ru